

Игорь Шестков

ПОМОЛВКА

Иногда трудно вспомнить, кто ты, понять, где ты находишься, и что с тобой происходит.

Особенно тяжело это для путешественника, давно покинувшего наш бренный мир и блуждающего в лабиринтах сумеречной зоны, состоящей, как известно, из отражений, имитаций и повторов.

Да, да, уважаемые дамы и господа, я давно догадался, что и я и все мое окружение – только отражение, имитация и повторы.

Это знание сделало меня недоверчивым, осторожным. Оно поселило в моем сердце страх. Страх и ожидание тягостных чудес. Которые обычно не заставляют себя слишком долго ждать.

Как только слышу краем чуткого уха тот щемящий, как бы потусторонний звук... тут же сосредотачиваюсь как снайпер, напрягаюсь, потому что по опыту знаю, сейчас все изменится, и я сам тоже изменюсь и окажусь неизвестно где, неизвестно когда, и главное – в непонятно каком образе, в непонятно каком положении.

Перед тем, как направить меня – в роли палача, разумеется – на классическую бойню, монсеньор решил немного позабавиться «в современности». Выставить меня похотливым пошлым дураком. Удалось это ему с блеском. Не хотел никому рассказывать об этом, но обстоятельства заставили.

...

Началось все с того, что я вновь услышал тот звук.

Только что валялся на пляже в Бланесе, прихлебывал местную каву, наслаждался легким бризом и читал фельетон в Шпигеле. Про этого чудака, который устроил скандальный перформанс в парижском театре. С поющими в хоре силиконовыми секс-куклами, с механическим сыном, онанирующим рядом с мастурбирующей механической матерью, и комнатой-вагиной. Там еще голый девяностолетний Сталин плясал... а затем долго испражнялся в ведро и лил его содержимое на головы публике.

Как вдруг... я уже сижу за праздничным столом, а вокруг меня все хрусталями сверкает, ножами и вилками стучит и челюстями поскрипывает. Ем паштет из страусиной печени. Крохотной такой серебряной ложечкой. Заедаю тушеной морковкой и рисовым кускусом.

За окнами – знакомые берлинские ландшафты.

Дурацкая телебашня торчит прямо перед носом.

Неуклюжий прямоугольный Бундестаг давит землю как исполинская гранитная глыба.

Небоскребы на Потсдамской площади режут пространство своими острыми боками.

Вдалеке виднеются башни-гостиницы у Цоо.

Стало быть, нахожусь я на верхнем этаже этого высокого отеля на Алексе. Как же называется эта идиотская коробка, гордость гэдээровских архитекторов? Вроде «iN». Забыл. Наплевать.

Итак, сижу я в банкетном зале за большим столом и ем паштет.

А напротив меня сидит – Азалия, резвая девушка лет восемнадцати. Мы празднуем нашу помолвку. Справа от Азалии – ее отец, бывший полицейский с квадратным лицом и чудовищными скулами, слева – ее без умолку тараторящая мамаша с длинным и толстым, торчащим из щек как репа, носом, бывшая бухгалтерша футбольного клуба.

И еще тут, передо мной – две подруги невесты и один друг, два ее коренастых брата с нацистской стрижкой, толстая несовершеннолетняя сестра-кокетка, тетушки, похожие на куриц-хохлаток, дядюшки-пингвины, два деда в синих, с золотым галуном, униформах рудногорских стрелков с допотопными мушкетами в руках, одна бабушка-вышивальщица в национальной одежде лужицких сербов и еще одна бабушка, тоже вышивальщица и тоже в национальной одежде, только в какой-то другой.

Я только что вручил Азалии платиновое обручальное колечко с бриллиантом в открытой розовой коробочке. Азалия наградила меня демонстративно ласковым взглядом, поцеловала... Надела кольцо на сахарный безымянный пальчик левой руки и, нарочито смущенно улыбаясь, продемонстрировала его своим родным. Отец Азалии перестал есть, вытер жирные губы платком с цветастой вышивкой, встал, поднял бокал с белым вином и проговорил, то и дело переводя масляный взгляд с дочери на меня и похрустывая скулами: Милые дети, как же мне приятно на вас смотреть, теперь вы обручены, какая радость для нашей семьи, принять в нее такого чудесного человека! Будьте счастливы, дети! И не тяните с свадьбой! Попируем на славу...

Потом слово взяла мать Азалии. Говорила она на ужасном диалекте, который я не понимал. Затем выступали обе тетушки, щебетали подруги, нечто невразумительное промямлила сестра, дежурно побасили братья, покашлиали и похрипели деды, пошамкали бабушки-вышивальщицы... В самом конце выступил друг, одноклассник Азалии, он смог произнести только несколько слов, затем с яростью посмотрел на меня, покраснел, заплакал и сел. Бедняга.

...

Заметил, что по потолку банкетного зала в мою сторону ползет отвратительное чудовище, похожее на слизня или гусеницу. Кроме меня его видимо никто не видел.

Я встал, с достоинством поклонился невесте и ее родителям, кратко извинился и пошел к двери. Перед тем, как покинуть зал, обернулся и заметил, что на многих лицах появилась гримаса удивления и неудовольствия. Братья нервно кусали пальцы, бабушки-вышивальщицы нетерпеливо стучали сухими кулачками по праздничному столу, дедушки заряжали свои мушкеты. А расплакавшийся юнец-одноклассник подошел к Азалии и что-то заговорщицки страстно шептал ей на ухо. Она кивала. Слизень на потолке выпустил из пасти несколько щупалец-язычков и раскрыл темные перепончатые крылья.

В коридоре спросил официанта, где тут туалет. Тот посмотрел на меня сочувственно, взял под руку и проводил до комнаты с писсуарами. Сказал: Ах ты, бедолага, в какую тряси́ну влез! Теперь не вылезешь! Никогда! Облегчись и делай ноги, пока не поздно. Они ведь и летать умеют.

Официант показал руками, как они летают, откланялся и исчез, но из туалета не вышел, а влез в хромированную урну для мусора и окурков и там затих.

...

Вымыл лицо холодной водой и посмотрел в туалетное зеркало.

Отвислые щеки, бугристый нос, скверные оранжевые зубы, лысина, нездоровые красные пятна на щеках, воспаленные глаза, морщины, прыщи. Обрюзгшая образина постаревшего рефлектёра, обжоры и ловеласа, никогда в жизни не работавшего, испортившего жизнь всем, кто к нему приближался, ничего не добившегося и потерявшего все, что имел. По виду – лет шестьдесят восемь. Не могу утверждать, что этот портрет меня сильно обрадовал. Хотя... ничего, что есть, то есть, бывало и хуже.

...

Погодите, погодите... почему же и Азалия и ее отец, и мать и даже ее хмурые братья смотрят на меня с восхищением, подобострастно даже? На гадкого жирного старика-сладострастника? На зеркало своих и чужих пороков? Из-за этого скромного колечка? Вздор!

К сожалению, предыстория моих отношений с этой семейкой мне неведома. Таковы правила кармической игры. Очутившись в новом лабиринте, ты узнаешь только то, что тебе необходимо знать в текущий момент. То, что было вчера – в этой вселенной как бы не имеет право на существование. Даже на фиктивное. Расспрашивать о нем, рыться в архивах и просто вспоминать – странникам вроде меня – запрещено под страхом немедленной аннигиляции на всех уровнях. Может быть я решил пошутить, и выдал себя за двоюродного брата русского олигарха-миллиардера, которому тот поручил надзор над берлинской недвижимостью и акциями и положил в карман на мелкие расходы несколько миллионов евро? И они мне поверили, приманили смазливой школьницей и теперь нетерпеливо ждут, что я одарю их после свадьбы щедрыми подарками. Хотя, почему после свадьбы? Сегодня, сейчас. Оттого они и скорчили недовольные мины, когда я вышел.

...

Что же делать? Возвращаться в банкетный зал? Там крылатый слизняк на потолке.

Я ведь даже толком не знаю, кто я. Не знаю своего имени, не знаю, есть ли у меня состояние, машина, дом, квартира или хотя бы комната. Куда я поведу Азалию после свадьбы? Где проведу сегодняшнюю ночь?

Пошарил по карманам – ни бумажника, ни ключей... Ни от квартиры, ни от автомобиля.

Нашел только две дюжины двадцатицентовых монеток, использованный носовой платок и стеклянный шарик.

Бездомный-нищеброд? Судя по одежде, нет.

Решил, как Тереза Мэй во время брексита, потянуть время – побродить четверть часика по отелю, подумать и поглазеть на город с высоты. Авошь решение само, как летающая рыбка, вынырнет из глубины подсознания и упадет мне в руки. Или судьба все решит за меня, и мне останется только подчиниться.

Подумать и поглазеть на город не вышло, потому что неожиданно в конце коридора появился один из братьев Азалии. Он явно кого-то искал, посверкивающий на пальцах его правой руки кастет и тупое злобное лицо не предвещали ничего хорошего. В другом конце коридора – замаячил второй братец, тоже с кастетом.

Вскочил в открывшийся как раз в этот момент двери лифт. Поехал вниз.

Кроме меня в кабине находилась одна молодая женщина с дорогим жемчужным ожерельем на матовой шее и роскошными рыжими волосами, собранными в пучок. Ожерелье свое она то и дело поправляла, а пучком беспокойно встряхивала.

Женщина эта дерзко взглянула мне в глаза, прищурилась и прошипела: Что, женишок, от невесты драпаешь? Сдрейфил, миллионер дутый? Шарлатан! Не забудь о 24-м августа, негодяй!

После этого превратилась в кобру, высоко подняла страшную голову с открытой розовой пастью и двумя жуткими закругленными зубами. Боднула воздух...

Инстинктивно нажал на кнопку «стоп». Лифт замер со скрежетом и треском и открыл двери. Я, не глядя по сторонам, выпрыгнул из лифта и побежал прочь. Подальше от этой змеюги.

И – на тебе – чуть не свалился с обрыва! Какой-то господин схватил меня в последний момент за руку и не дал упасть. Я уже висел над пропастью.

Не знаю, что произошло... я стоял на краю огромной заброшенной каменоломни, на дне которой было озеро. По нему плавали изящные яхты с белыми парусами и неуклюжие джонки. Рядом со мной стоял мой спаситель, мужчина лет сорока четырех в темно-вишневом костюме и скептически меня оглядывал. Как мясник – свежую коровью тушу, которую только что привезли с бойни.

Помолчал минуту и сказал: Превосходно! Я надеюсь, Гарри, ты не хочешь в день помолвки убежать от невесты. Или покончить с собой. Это невежливо, монсеньор будет недоволен. Иди в ресторан, тебя там все заждались. Иначе мне придется тебя застрелить.

Мужчина вынул из кармана пиджака автоматический пистолет и гадко щелкнул по нему ногтем указательного пальца левой руки.

Я испугался, но виду не подал, решил схитрить и прикинуться смущенным дурачком. Был бы я насекомым, упал бы и задрал ножки кверху.

– Разумеется, разумеется поднимусь, я только в туалет вышел, потому что слизняка на потолке увидел, а потом, сам не знаю как, попал в лифт. Братя с кастетами, женщина-змея с ожерельем, а тут обрыв... Спасибо за то, что спасли мне жизнь! Кстати, что это за каменоломня такая?

– Какая каменоломня? Ту что, Гарри, переел страусинового паштета? Посмотри, вон, внизу лобби... а мы стоим на третьем этаже галереи. Отсюда открывается чудесный вид на скульптурный сад. Это знаменитая коллекция Менделя Гурвича.

Даже Генри Мур есть. Вон, видишь, две фигуры без голов? И Джакометти. И бойсово полено валяется. А чуть дальше, у входа – гляди – самолет из спрессованных консервных банок.

– Вижу.

– Хочешь, чтобы и тебя спрессовали? Иди наверх.

Не знаю, почему, но я решил довериться этому вишневному скептику с пистолетом.

– Я бы пошел, но у меня проблема.

– У таких как ты всегда проблемы.

– Я старый и гадкий, а невеста – куколка.

– Об этом не беспокойся, Гарри, ты для всех них – красавец писанный. Молодой, энергичный и в костюме от Гуччи. Тебе тридцать пять лет, ты менеджер компьютерной фирмы.

– Какой кошмар... Они все там от меня подарков ждут, а у меня ничего нет. Мне стыдно. У меня в кармане только мелочь, носовой платок и стеклянный шарик.

– Стыдно? Я думал, это чувство тебе незнакомо. Там, где есть стыд, есть и надежда. Ладно, покажи свою мелочь.

Я достал двадцатицентовые монеты, платок и шарик из кармана... и, о чудо!

Сверкнуло золото. У меня на ладони лучились старинные дублоны, эскудо, луидоры. Вместо платка у меня в руках оказалась толстая похрустывающая пачка ценных бумаг Немецкого банка. А шарик – превратился в темно-синий сапфир-кабошон размером с яйцо гуся.

– Как же тебе не стыдно лгать, Гарри? Этот легендарный камень имеет имя – Око Афродиты. Он как бы смотрит каждому в душу. Говорят, и желания исполняет.

Люди платили состояние только за то, чтобы раз в жизни увидеть его и подержать в руках. С его помощью безумный император Рудольф хотел воскресить своего льва, а Наполеон, укравший его в Вене, вернуться с острова Святой Елены. Он стоит больше чем Боинг 747. Отдай его невесте, когда вы будете наедине. Кстати... каждая из этих монет стоит больше тысячи евро, а некоторые из них стоят больше, чем твоя паршивая жизнь. А ценные бумаги стоят больше чем сотня жизней таких как ты. Отдай все это родственникам невесты, пусть потешатся и пожируют вволю. Ими монсеньор займется позже, на десерт, так сказать. Последний раз говорю, возвращайся в банкетный зал! Он опять направил на меня пистолет. Я спрятал камень, деньги и бумаги во внутренние карманы пиджака, вызвал лифт и уехал наверх.

В лифте опять встретил ту... с жемчугами и пучком рыжих волос на голове.

На сей раз она была неразговорчива. Пучком не трясла, ожерелье не поправляла, в кобру не превращалась. Сухо кивнула мне, когда я вошел и вышла на двадцать первом этаже, даже не посмотрев в мою сторону.

...

За несколько метров до входа в ресторан мне показалось, что воздух стал настолько плотным, что я не смогу сквозь него продрасться. Я волновался как школьник перед экзаменом. Открыл дверь, заглянул внутрь.

Слизняк исчез. Невеста и ее близкие сидели на своих местах. Никто из них однако ничего не ел, не говорил, не двигался. Все напряженно смотрели на меня. Как радары на подлетающие самолеты противника. Тишина была полная, не слышно было даже дыхания.

Я заставил себя обаятельно (уж как смог) улыбнуться, поклонился, пошаркал ножкой и с трудом выдавил: Вот и я! Соскучился по моей красавице и по всем вам!

Ожидал вызвать всплеск эмоций, услышать приветствия, шутки...

Ничего этого не было, все по-прежнему мрачно и напряженно смотрели мне в глаза. И не двигались, не говорили, не улыбались, не дышали. Некоторые не скрывали ненависть и презрение ко мне. Особенно злую рожу скорчил друг-одноклассник.

Машинально сел на свое место. Съел ложечку паштета. Глотнул вина.

Ничего не изменилось.

В голове у меня зазвучали голоса. Монсеньор спросил: Ну что, так и будем играть в молчанку? Чего он медлит? Почему не передает им подарки?

– Может быть, он решил прикарманить камешек, золотишко и бумаги и потихоньку смыться? В своем новом костюме. Менеджер...

– Как же они поверхностны и суетны! Не лучше павлинов. Нет, он конечно глуп, но все-таки не такой болван, чтобы надеяться на то, что это ему удастся. Кстати, где ваш помощник?

– Шевалье на посту, монсеньор! Сторожит снаружи. Идея дать Гарри Око Афродиты принадлежит ему. Сколько усилий пришлось приложить, чтобы найти и отобрать его у нынешнего владельца! Если ваш подопечный решит еще раз выйти из банкетного зала, шевалье его с превеликим удовольствием пристрелит. А потом оживит и отправит в августовский Париж... как вы приказали...

– Ах, любезный маркиз, часто вспоминаю эти баснословные дни, и сердце вновь трепещет, того и гляди – прослежусь. Никогда не забуду, как Черная королева разгуливала среди обнаженных трупов и брезгливо трогала их кончиком туфельки.

– О да, монсеньор... это было по-королевски. Устроить резню, чтобы сохранить династию.

– Разве сейчас властители лучше?

– Как вы могли подумать, что я придерживаюсь такого мнения, мой господин? Такие же надутые червяки какими были раньше. Только костюмы и платья изменились, стали куда беднее и проще. А амбиции и методы – те же.

...

Понял, что отступление невозможно и решил отдаться на милость победителей. Встал и сказал, обращаясь к отцу невесты: Почту за честь войти в вашу прекрасную семью! Постараюсь сделать вашу дочь счастливой.

Затем обратился к матери Азалии: Надеюсь, что через несколько лет вы, мадам, сможете понянчить здоровых и милых внуков!

После этого одарил добрым взглядом всех сидящих на другой стороне стола и торжественно провозгласил: Хочу вручить вам на память об этом прекрасном вечере несколько скромных подарков!

И полез в карман...

Гром аплодисментов потряс зал. Лица гостей сияли, некоторые плакали.

Я вручил каждому по золотой монете и по две ценные бумаги. Остаток отдал отцу Азалии как бонус. От радости он так выпучил глаза и покраснел, что чуть не получил удар.

...

После небольшого перерыва, посвященного разглядыванию монет и ценных бумаг, родные и близкие Азалии как-то неправдоподобно быстро очистили стол от яств и раздвинули его. Откуда-то приволокли ширмы, громадный матрас, подушки и шелковое постельное белье.

Как по мановению волшебной палочки обеденный стол превратился в брачное ложе. Помогли нам – Азалии и мне – освободиться от обуви и забраться на него. Ложе обставили ширмами. Расставили вокруг ложа стулья, уселись на них, взялись за руки, образовав что-то вроде живого круга, и монотонно запели какую-то народную песню. С бесконечным количеством куплетов.

Я никак не ожидал такого развития событий. Тревожно спросил у подозрительно холодно смотрящей на меня Азалии: Милая, они что, хотят, чтобы мы при них...

– Как будто тебе это не все равно, Гарри. Они же нас не видят!

– Но слышат!

– И не слышат. Они поют и будут петь до тех пор, пока ты не перебросишь через ширму белое полотенце с кровавыми пятнами. Вот это.

– Господи! Я что, должен тебя зарезать?

– Какой ты смешной! Как ребенок. Ты должен доказать им, что я была девственницей, а теперь перестала.

– А если ты... ну, понимаешь... не девственница?

– Тогда тебе придется зарезать голубку... смотри... вот клетка с птицей ножик.

– Азалия, милая, ради бога, что все это значит, что это за варварство?

– Это не варварство, а старинный обычай.

– И про голубку все знают?

– Знают.

– И все-таки хотят увидеть окровавленное полотенце?

– Хотят. Раньше и ширмы никакие не ставили. И не пели. А смотрели, а затем, и сами...

– Что сами?

– Какой ты несмышленный! И сами начинали заниматься любовью. Чтобы жизнь продолжалась!

– Погоди, но мы же даже не женаты, только помолвлены.

– Это больше не играет никакой роли. Ты дал мне кольцо, я тебя поцеловала, ты вручил за меня выкуп семье. Теперь я твоя. Иди ко мне и сделай меня женщиной.

– Погоди. Вот, у меня есть для тебя еще кое-что. Это сапфир Око Афродиты. Ему нет цены. Если я умру, продай его, купи себе дом и живи счастливо.

– Как трогательно и не похоже на тебя!

– Что делать! Нам всем время от времени приходится выходить из роли.

Я протянул Азалии камень.

Азалия посмотрела на него и задрожала. Не верила своим глазам. Так опьяняюще красив был камень.

Даже не поблагодарив меня за подарок, жадно выхватила Око Афродиты у меня из рук. Поцеловала его и тихо что-то прошептала, а затем передала его кому-то через щель между ширмами. Мне показалось, что я узнал руку, взявшую его.

...

Мы разделись.

Я попытался обнять Азалию и поцеловать в губы, но она грубо отпихнула меня и проговорила раздраженно: Не хочу я твоих слюнявых ласк. Делай свое дело побыстрее. Я хочу домой.

Затем решительно и по-деловому положила мои руки на свои маленькие смуглые груди, широко раздвинула худые точеные бедра... а потом, убедившись в том, что я готов к бою, обхватила меня ногами и сама, как игольчатое ушко на нитку, наделась на мой член.

Это причинило ей боль. Азалия громко застонала...

По щекам ее потекли слезы.

Я кинул полотенце с двумя пятнышками крови за ширму. Семья Азалии отозвалась радостным воем.

Я жалел девочку, но сдержать себя и остановиться был уже не в состоянии. Мне так ее хотелось!

Начал скачку медленно. Потом увеличил темп.

Закусил удила и скакал, и скакал на огненном скакуне, пока не врезался в Солнце.

Моя невеста, вместо того, чтобы обнять меня и улыбнуться, злобно укусила меня в плечо. Потом еще раз – в руку. Да так сильно сжала зубы, что вырвала кусочек кожи.

А затем... я заметил в ее руке нож...

Она вонзила мне его в горло и прохрипела: Ненавижу тебя, проклятый старик, меня не купишь! Я люблю другого и буду ему теперь верна до самой смерти.

Видимо, человек в вишневом костюме сказал мне не всю правду.

Перед тем, как умереть, я опять услышал тот звук. На сей раз он был похож на тихий свист.

...

Через несколько минут я шел по другому лабиринту сумеречной зоны и уже забыл и об Азалии, и о ее семье, и об отеле с каменоломней.

Вышел на рыночную площадь старого Парижа.

Что там творилось! Повсюду валялись трупы, ошалевшая чернь срывала с мертвых одежду. На наскоро сколоченных виселицах висели повешенные.

Католики не щадили ни пожилых людей, ни женщин, ни детей. Недорезанных добивали палками. Беременным вспарывали животы...

Сквозь какофонию смерти как бы из-под земли до меня доносился низкий хохот монсеньора.

В правой руке я держал окровавленный меч, в левой – только что отрубленную голову знатного гугенота.

Послесловие

Прочитал рассказ «Помолвка» перед видеокамерой.

К сожалению – не последний вариант. Последний вариант всегда висит в небе, не существует. После прочтения исправил несколько очевидных ошибок, кое-где кое-что выкинул и дописал. Настоятельно рекомендую – особенно непрофессиональным писателям (профессиональные писатели безнадежны, как профессиональные жрицы любви) – читать вслух перед камерой свои произведения. Помогает понять, что ты собственно написал... поправить...

О чем же этот рассказ?

Каждый читатель понимает любой текст по-своему. Но и я, после окончания правки, тоже читатель и имею право на собственную интерпретацию.

Полагаю, этот рассказ о страхе. Об экзистенциальном страхе. О главном чувстве современного человека. О все крепнущей уверенности индивида в том, что в мире все пошло как-то не так, как надо. И не только в мире, но и в стране, в городе, в семье, в нем самом. О предчувствии катастрофы. Мировой и индивидуальной. Бытие главного героя – треснуло и расслоилось. Он потерял себя и стал странником. И с тех пор путешествует по абсурдным мирам. Против воли становится участником зловещих событий...

Неожиданно для самого себя попадает на помолвку с Азалией. В первом варианте текста я назвал ее цыганкой, но потом решил, что это – слишком прямая характеристика, и выкинул это слово.

Ясно, что эта девушка с несносной родней, вся эта кошмарная помолвка с ее гостями, с чудовищем на потолке, с каменоломней в отеле, для Гарри – вовсе не исполнение желаний, а очередное испытание. Еще один этап долгого и тяжелого пути в небытие.

И неожиданное совокупление с Азалией на ресторанном столе, превращенном в брачное ложе, – удовлетворяет его физическое желание, но не приносит ему ни счастья, ни экзистенциального облегчения. Азалия – как паучья самка – убивает его после любви.

После такой «помолвки с смертью» Гарри приходит в себя – в Париже, но не в Париже Пикассо и Шагала, а в далеком 1572 году, в канун дня святого Варфоломея. Оказывается, он там палач.

Никакой морали в этом рассказе нет. Как нет ее и в других моих рассказах.

Главный герой не претендует на сочувствие, он неприятен самому себе.

Свое выморочное существование он справедливо не считает жизнью, но щедро делится с нами его подробностями. Зачем?

Потому что относительно нас у него есть свои планы. Все мои попытки выпытать у него, что же он задумал, окончились безрезультатно.

Не хватает только, чтобы он опять заявился, собственной персоной, в Берлин, и начал тут выкидывать свои фортеля. Например – мстить Азалии и искать потерянный сапфир.

В следующем рассказе упрошу монсеньора послать его на Марс, в тюрьму 22-о века. Пусть поостынет.